

Ник. Брешко-Брешковскій

Два художника

1.

Я уже писалъ гдѣ то о совѣтскихъ "художествахъ" кремлевскаго лейбъ-портретиста Бродскаго.

Изображая красный звѣринецъ, отъ азиатской хари Ленина и до бабѣй оплывшей физиономіи товарища Зиновьева включительно, Бродскій преуспѣвалъ и благополучно преуспѣваетъ.

Но лейбъ-портретистъ — само собой, а, кромѣ того, Бродскій, этотъ юркій и нервный мозглякъ еще и самый "что ни на есть" активный "политикъ".

Онъ выдаетъ свидѣтельства о благонадежности. Онъ ставитъ визу на паспортахъ писателей, артистовъ, художниковъ, ѣдущихъ, или пытающихся выѣхать, за границу.

Мало-мальски "сомнительнымъ" Бродскій не даетъ визы.

— Еще застрянетъ въ этихъ буржуазныхъ Европахъ и не пожелаетъ вернуться въ социалистическое отечество, а я за него отвѣчай! Или еще хуже: начнетъ болтать всякій вздоръ про совѣтскую власть...

А чтобы тѣ, въ благонадежность коихъ Бродскій вѣритъ, не проштрафилась, онъ все же пушей твердости ради требуетъ анibalовой клятвы!

— Дайте мнѣ ваше честное слово, что вы не будете ничего такого рассказывать о недочетахъ нашего правительства.

Очутившись въ Европахъ, одни — слабъ человекъ — даютъ наконецъ волю своему языку, который въ теченіе двѣнадцати лѣтъ основательно прикусывался. Другіе же...

Но дабы пояснить этихъ другихъ, вспомнимъ остроумную и веселую оперетку Оффенбаха "Птички пѣвчія".

Губернаторъ, "плащомъ закрывши полъ лица", идетъ въ народъ въ чайниці узнать что-нибудь о себѣ и о своей губерніи.

Подсѣвъ къ одному изъ "свободныхъ гражданъ", оффенбаховскій Гарунъ-Аль-Рашидъ начинаетъ выпытывать:

— Довольны-ли вы мѣстными порядками, сударь?

На всѣ эти каверзные вопросы одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Я знаю только моего губернатора и моихъ лошадей!

Право же, Оффенбахъ не умеръ, хотя и полвѣка тому назадъ похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.

На концертѣ волшебной Цециліи Гадзень, въ одномъ изъ антрактовъ, я оказался въ роли оффенбаховскаго губернатора, а нежданнѣй-негаданнѣй собесѣдникъ мой, въ роли "гражданина страны свободной".

Ко мнѣ подошелъ извѣстный художникъ. Я увидѣлъ его послѣ одиннадцатилѣтняго

перерыва. Онъ только что пріѣхалъ изъ Совдѣпін.

Естественно, я тотчасъ же взялъ его въ оборотъ.

— Ну, какъ тамъ эти мерзавцы?

— Я далъ честное слово Бродскому ничего не рассказывать...

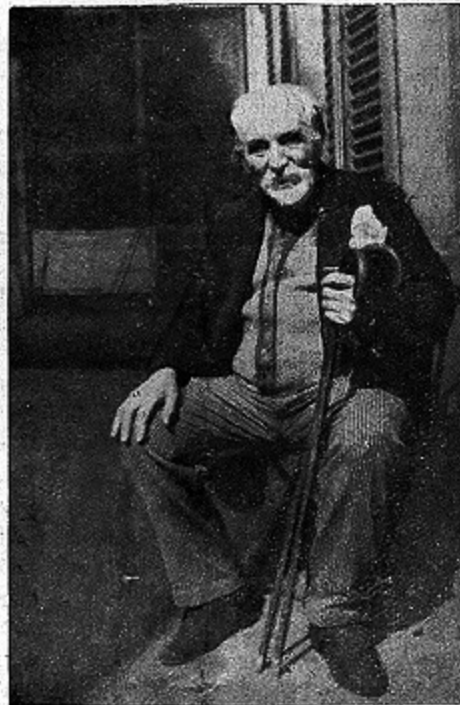
— Но, все-таки, — не унимался я, — вотъ вы въ Соловкахъ побывали: одинъ тихій ужасъ?

— Видите, я далъ честное слово Бродскому...

Послѣ третьяго "далъ честное слово Бродскому", я оставилъ почтеннаго художника въ покоѣ, молча, но выразительно пожавъ ему руку.

"Честное слово" и... Бродскій...

Что-то кошунственное въ этомъ.

Академикъ А. Н. Бенуа.

2.

Альбертъ Николаевичъ Бенуа...

Новымъ поколѣніемъ нашимъ, взрожденнымъ войною, междусобичей и скитаніемъ на чужбинѣ, это имя мало говорить. Мы же, люди, на пятомъ десяткѣ, мы воспитывали свой вкусъ на блестящихъ по технике и, по таланту эввареляхъ Бенуа.

Какій успѣхъ имѣлъ онъ!

Стѣны какихъ только дворцовъ, картинныхъ галлерей, барскихъ особняковъ и просто гостиныхъ не украшались его великолѣпными ландшафтами!

Почти сорокъ лѣтъ безмятежно творилъ онъ въ своей мастерской, въ своемъ домѣ

на улицѣ Глинки, почти рядомъ съ Мариинскимъ театромъ.

Утонченѣйше воспитанный, съ манерами версальскаго маркиза, умный, обаятельный собесѣдникъ, Альбертъ Бенуа имѣлъ успѣхъ въ обществѣ не только какъ художникъ.

И вотъ, налетѣвшій буйный, красный смерчъ унесъ все, все, кромѣ таланта.

Альбертъ Бенуа пріѣхалъ въ Парижъ "начинать заново", какъ самъ про себя говоритъ онъ.

Совсѣмъ недавно, въ интимномъ кругу родни своей, — полностью представлены были три поколѣнія, — и близкихъ друзей, отпраздновалъ Альбертъ Николаевичъ свое семидесяти-двулѣтіе.

Удивительно гармонично было все...

И тихій залъ въ тихомъ пансіонѣ. И близость Люксембургскаго Сада, и звуки рояля, звуки шопеновскихъ ноктюрновъ... Это молодья, прекрасныя дѣвушки, воспитанницы консерваторіи, услаждали тонкій музыкальный слухъ юбиляра.

Глубоко сидѣвшему въ креслѣ старику, старику съ внѣшностью короля въ изгнаніи, дѣти подносили цвѣты.

Что-то далекое, минувшее.

И самъ Альбертъ Николаевичъ, уйдя въ это далекое минувшее, преобразился...

Огнемъ молодости вспыхивали глаза и такимъ четкимъ сталъ вельможный профиль.

Куда дѣвалась обычная слабость ногъ, подчасъ коварно измѣняющихъ Альберту Николаевичу?

Послѣ концертнаго отдѣленія, радушный юбиляръ предложилъ своимъ гостямъ чай, сказавъ бодрое вступительное слово.

Тажой же радушной хозяйкой-распорядительницею была дочь художника, М. А. Черепнина, супруга извѣстнаго композитора. Были племянницы, — дочери Александра Бенуа. Было много внуковъ и внучекъ. Былъ подвижникъ молодости акварелиста, съ такою же, какъ и у него, пепельно-сѣдой головой, музыкальный критикъ Вальтеръ.

Было такъ ясно и солнечно. И была какая то дымка грусти.

А когда почти всѣ разошлись, Альбертъ Николаевичъ пригласилъ насъ въ свою комнату и доказалъ нѣсколько десятковъ новыхъ акварелей.

Все это нѣжные, серебристые "мусочки" природы, съ той именно серебристостью, которая всюду разлита во французскомъ пейзажѣ...

Свѣжо и молодо по технике, мудро и вдумчиво по настроенію.

Въ маѣ, всѣ эти эвварели появятся на собственной выставкѣ Альберта Бенуа, гдѣ ихъ ждетъ несомнѣнный успѣхъ.

Ник. Брешко-Брешковскій.